

Криминальная матрица

Россию поразил синдром культурного иммунодефицита, что делает невозможным любые демократические преобразования.

Похороны
криминального
авторитета Аслана
Усояна (дед Хасана),
убитого в Москве в
2013 г. Фото: РИА
Новости

Я думаю, советский биолог Лев Зильбер, буквально «нацарапавший» свою вирусную «теорию происхождения рака» на бумажной пуговице в сталинской «шарашке», сильно удивился, если бы ему сказали, что он раскрыл не только один из механизмов развития злокачественных опухолей в организме человека, но и механизм будущего злокачественного перерождения того политического режима, который, собственно, и упек Зильбера в «шарашку». Пути научных открытий неисповедимы: не исключено, что именно размышления о судьбах России долгими бессонными тюремными ночами натолкнули Зильбера на мысль о вирусной природе рака. Так или иначе, но, похоже, что как раз теория Зильбера лучше всего подходит для объяснения тех метаморфоз, которые претерпела Россия на рубеже XX и XXI веков.

В самых общих чертах вирусная теория происхождения рака, та самая, которую тайком вынашивал Зильбер в тюрьме и за которую много лет спустя другие люди получили Нобелевскую премию, сводится к тому, что некоторые, так называемые «опухолеродные» вирусы способны выступать триггером (инициатором) злокачественного перерождения нормальных клеток в организме. Нуклеиновые кислоты этих вирусов встраиваются в генетический код обычной клетки и вызывают в нем необратимые изменения, превращая здоровую клетку в раковую. Ключевую роль при этом играет состояние иммунитета: опасность вирусной

трансформации тем выше, чем ниже защитные функции иммунной системы. Нечто подобное как раз и случилось с российским обществом после того, как оно в самом конце XX века надорвало свои силы в безуспешной попытке осуществить демократическую антикоммунистическую революцию.

Известно, что культуры, как и люди, болеют, причем иногда весьма серьезно, вплоть до коллапса и полного исчезновения с исторической сцены, что для культур равносильно биологической смерти. Культуры — весьма сложные и уязвимые образования, сохраняющие внутреннюю стабильность в вечно враждебной и агрессивной среде.

Среди факторов, угнетающих и разрушающих культуру, особая роль принадлежит криминалу — остро асоциальному паразитическому поведению, воздействие которого на общество сродни воздействию вируса на живой организм. Это воздействие может быть примитивным и легко нейтрализуемым, а может быть системным, когда общество подвергается атаке колоний «социальных микробов» (мафия, каморра, триады и т.п.)

Как и обычный вирус, криминал распространен повсеместно и присутствует повсюду. Но здоровая культура имеет достаточный запас прочности («культурный иммунитет»), позволяющий ей нейтрализовать его негативное воздействие. Однако если культурный слой хронически ослаблен или истощен, то со временем происходит комплексная дегенерация и перерождение. Формируется «криминальная культурная матрица», когда вместо того, чтобы бороться с «вирусом», общество начинает действовать с ним «заодно». Внутри этой матрицы асоциальное поведение негласно («по понятиям») становится нравственной и социальной нормой, а социальное, напротив, выглядит как патология.

Внутри «криминальной матрицы» воровать — нормально, а не воровать — значит, бросать вызов обществу. Открывать и закрывать уголовные дела за деньги — нормально, а бороться с преступностью — подозрительно. Брать «откаты» — нормально, а соблюдать установленные правила — поступать «не по понятиям». В случае конфликта «решать вопрос» — нормально, а добиваться соблюдения прав — быть «лузером». Отдельному человеку почти невозможно выскочить из этой матрицы, не став изгоем. В полиции, судах, казенных домах работают обычные, а не какие-то специально подобранные люди с глубокими этическими изъянами. Но правила игры таковы, что они могут быть только такими и никакими другими. В иных условиях эти люди вели бы себя иначе. Но, чтобы условия стали иными, существующую криминальную матрицу надо сломать, а это очень непросто.

Культура и криминал являются антиподами. Избыточная криминализация приводит к стагнации культуры, а в крайних формах — к полному ее разложению. Если под воздействием криминальной матрицы происходит перерождение культурной ткани, на свет появляется культура-убийца или так называемое «мафиозное государство». В нем криминал не просто увеличивает социальную энтропию, но модифицирует культурный код общества таким образом, что все его защитные социальные и политические институты начинают работать в режиме самоуничтожения. Он встраивается во все общественные связи и отношения, выворачивая наизнанку их сущность, и молниеносно метастазирует в каждую клетку общества от Куцевки до Большой Дмитровки.

Синдром культурного иммунодефицита порождает те же последствия для общества, что и синдром приобретенного иммунодефицита для человека: будучи не в силах сопротивляться агрессии внешней среды, общество погибает от «сопутствующих» социальных недугов (обычно от войн, которые само же развязывает). В России к концу XX столетия культурный иммунитет, и так не отличающийся особой силой, был подорван несколькими десятилетиями коммунистического террора, а также пострадал от двух опустошительных мировых и одной братоубийственной Гражданской войны. Поэтому он оказался слишком ненадежной защитой от криминальной пандемии, поразившей Россию после распада СССР.

То, что Россия «свалилась» после нескольких лет либеральных экспериментов в авторитаризм, — это полбеда. Безусловно, диктатура в России является злом и анахронизмом. Но это зло обычное и привычное. Беда же состоит в том, что на фоне общего культурного упадка произошла смычка авторитарной власти и криминала.

Не просто взаимодействие (это встречается часто — можно вспомнить хотя бы Италию в конце прошлого века, не говоря о целом выводе африканских или латиноамериканских диктатур), а именно полная интеграция. Возникло злокачественное новообразование, аналогов которому в русской, да и мировой истории немного. Главный вызов будущему России — не отсутствие свободы и демократии, а криминализация русского общества и государства. Конечно, борьба с криминализацией невозможна без демократизации. Но надо различать цель и средства.

Последний раз Россия сталкивалась с таким вызовом сто лет назад, в эпоху «распутинщины», когда самодержавие буквально растворилось в криминальной стихии, а граница между политической полицией и преступной организацией в принципе перестала существовать. Ответом на этот вызов, как мы теперь знаем, стала одна из самых кровавых революций в истории человечества и выросшая из нее тоталитарная политическая система. Сегодня Россия снова лежит расprostертой на больничной койке истории в ожидании социального онколога. Другие имена, иные интерьеры, но все та же страшная болезнь.

Криминальная матрица: перезагрузка

Испокон веков во всех русских бедах без устали и, конечно, не без оснований винули власть. Власть в России — действительно не фунт изюма. Но полагать, что она и есть конечная причина «русских зол», — значит, искренне считать, что больной умирает не от рака, а от сыпи. Деграция власти — это всего лишь внешнее, видимое проявление болезни, но не сама болезнь. Именно поэтому смена власти в России никогда не приводила к окончательному выздоровлению — каждый раз на новом «политическом теле» проступала старая сыпь. «Лечить» нужно не русскую власть, а ту «культурную матрицу», которая порождает порочную власть на каждом следующем витке исторического развития. Печальный пример Украины с ее бесконечными «майданами», где каждое следующее правительство оказывается еще более коррумпированным, чем предыдущее, является для России серьезным предостережением.

Тотальная криминализация стала следствием тектонического культурного сдвига, произошедшего в России в последнюю четверть XX столетия.

Даже при известной склонности русского народа к «воровскому шатанию» (по выражению Ивана Бунина), это состояние является аномальным для России, не вписывается в русскую политическую традицию и представляет смертельную угрозу для сохранения русской цивилизации. Криминализация есть подвижка в самом образе мыслей и жизни народа, перемена его сознания. Конечно, в любом обществе в любой момент его истории можно найти так называемую «понятийную» составляющую (неформальный кодекс поведения), но только в период глубокого культурного упадка она становится социальной и политической доминантой. Поэтому важнейшим условием декриминализации является сегодня культурная революция, которая позволит устранить последствия отрицательного культурного сдвига. Никакая конституционная, судебная или административная реформа не даст результата, если Россия продолжит жить внутри криминальной матрицы.

Матрицы не возникают сами по себе — есть те, кто их устанавливает, и те, кто внутри них живет. Культуры неоднородны, они состоят из множества активных культурных меньшинств, которые, собственно, и задают параметры матрицы, и пассивного культурного большинства (своего рода «стволовых клеток»), которое эту матрицу заполняет собой. Между культурными меньшинствами (субкультурами) происходит постоянная борьба за доминирование. Одно из таких меньшинств, становясь доминирующей субкультурой, формирует общую культурную матрицу по своему образу и подобию. Естественно, что остальные (миноритарные) субкультуры развиваются в это время в стесненных обстоятельствах. Однако в момент кризиса одна из маргинальных субкультур может выскочить и сама занять доминирующие позиции, получив возможность сформировать другую матрицу. Таким образом происходит культурная эволюция, отдаленно напоминая эволюцию биологических видов в описании Дарвина.

Современная российская криминальная матрица возникла как следствие отрицательного культурного отбора. Итогом реформ конца прошлого века стало создание условий, максимально благоприятных для развития весьма специфического культурного вида — «практического русского». Фундаментальной характеристикой этого культурного типа является его воинствующая безыдейность, заикленность на прагматизме, неприятие романтизма во всех его проявлениях, цинизм в сочетании с болезненным пристрастием к деньгам и всему тому, что дает обладание ими. Это был именно тот исторический и культурный тип, торжество которого гениально предвосхитил Максим Горький в своей безжалостной и оттого непопулярной в России статье о русском народе:

«Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей. На мой взгляд, это будет не очень «милый и симпатичный русский народ», но это будет — наконец — деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям. Он не скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи, но, вероятно, он даст денег на опыты Штейнаха и, несомненно, очень скоро усвоит значение электрификации, ценность ученого агронома, полезность трактора, необходимость иметь в каждом селе хорошего доктора и пользу шоссе... И город, неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий, не скоро заслужит справедливую оценку со стороны этого человека, не скоро будет понят им, как мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи...».

Горький, однако, не предвидел, что предсказанный им, чуждый идей и высоких чувств «деловой русский», глубоко безразличный ко всему, не связанному с материальной выгодой, превратит Россию в криминальную Мекку. Тем не менее криминализация России есть всего лишь апофеоз потребительского культа советского человека (в просторечии — «совка»). Потому что, если нет принципов и идей, то можно все. «Понятийность», которая лежит в основании «криминальной матрицы», есть всего лишь дистиллированный бытовой прагматизм. Криминальное поведение — это простейшая форма социального бытия. Оно не требует никакого напряжения духа, напротив: чтобы вести себя «по закону», требуется нечто большее: вера, идеи, ценности.

Осуществить декриминализацию России невозможно до тех пор, пока советский культурный тип сохраняет доминирующие позиции в обществе. Он — основа стабильности существующего режима. Но как разглядеть сегодня будущего могильщика криминальной России, того, кто сместит «совка» с пьедестала?

Новое есть хорошо забытое старое. Осмелюсь предположить, что на смену безыдейному и деловому «новому русскому» придет хорошо знакомый тип старого идейного русского фанатика (или мягче — романтика). Криминализация Русского мира стала следствием его деидеологизации. Соответственно, его декриминализация может быть только результатом повторной идеологизации. Жесткому напору криминальной стихии должно противостоять не менее жесткое, нематериально мотивированное следование принципам. Россия готовится к приходу нового героя из тех «презревших грошовой уют», кто готов идти под пули за идею, а не за победу на тендере. Эти люди продолжают жить в русском культурном подполье и ждут своего часа.

Очевидно, что сегодня политическая и культурная линии фронта не совпадают. По своим жизненным установкам и ценностным ориентациям многие флагманы «русской оппозиции» и столпы «кремлевского режима» оказываются по одну сторону баррикад в лагере «практичных русских». Зато фанатики (или романтики) бескорыстно (не все, конечно) сражаются и погибают за чужую идею, обслуживая интересы враждебного им криминального мира (в том же, например, Донбассе). Настоящее культурное и политическое размежевание еще ждет Россию где-то далеко впереди. Оно сломает нынешние привычные шаблоны восприятия противоборствующих сторон. Империю зла будут рушить ее сегодняшние ярые защитники, а нынешние непримиримые враги будут браться на нейтральной полосе.

Сложно предсказать, под каким идейным флагом будет осуществляться декриминализация России. Возвращение идеологии возможно в либеральной, фашистской или коммунистической формах. Отрицательные исторические коннотации делают шансы коммунизма в России менее высокими, поэтому основная борьба, скорее всего, развернется между русским национал-социализмом и русской социал-демократией — случай почти классический. Именно они будут собирать под свои знамена человека «новой формации», которому предстоит разорвать порочную связь власти и криминала.

От Пугачева к Кромвелю — непройденный маршрут

«Практический русский», он же «советский человек», он же презренный «совок», есть всего лишь образованный крестьянин. Советская власть достигла невероятных успехов в обучении крестьянина, но практически ни на дюйм не продвинулась в его воспитании. Поражающее воображение приращение знаний («зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей») не сопровождалось соответствующим приращением культуры. Напротив, парадоксальным образом повышение общего образовательного уровня шло рука об руку со снижением общего культурного уровня — академик-жлоб и кочегар-интеллигент стали обыденным

явлением. Сочетание технической изощренности ума с гуманитарным примитивизмом распространены повсеместно.

Фундаментальной чертой крестьянского сознания, с моей точки зрения, является неспособность к политическому действию.

Объясняется это достаточно просто. Политическое действие есть функция экономического интереса, а интерес есть, в свою очередь, осознанная потребность. С потребностями у образованных крестьян все обстояло хорошо, а вот с их осознанием — плохо. Потому что крестьянин растворен в своих потребностях, он не может от них оторваться, не может правильно расставить приоритеты, не может пожертвовать чем-то несущественным и сиюминутным ради существенного и перспективного, а значит, не может планировать дальше, чем на один день. А все из-за того, что начисто лишен каких-либо идей...

В конечном счете, большевистская революция оказалась крестьянской революцией. Ленин стоит в одном ряду с Болотниковым, Разиным и Пугачевым. Вообще, крестьянская революция ни победить, ни тем более удержать власть не может из-за аполитичности крестьянства. Но в России произошло небывалое — она победила. Случилось это потому, что на нее сверху был надет идеологический «экзоскелет» русского коммунизма.

Пока этот искусственный каркас не рассыпался (а его хватило на семьдесят лет), реинкарнация «пугачевской республики» держалась на плаву. А вот когда он истлел, «пугачевская республика» тут же дегенерировала в то, чем только и может быть по определению — в анархическое криминальное царство, своего рода необъятное «гуляйполе». С одной разве что поправкой: к этому моменту она уже обладала ядерным оружием и невиданным для такого рода социокультурных образований остаточным техническим потенциалом.

Кремль правит крестьянским миром, правит не Русским миром, а вместе с Русским миром, он — его органическая часть. Русский мир подмял Кремль под себя и раздавил. Несмотря на свой устрашающий вид, самозваная «русскомирная» крестьянская империя — очень неустойчивое социальное и политическое образование. Парадоксальным образом главная причина ее нестабильности, являющаяся одновременно и главной причиной, обеспечивающей ее жизнеспособность, — дистрофия культуры.

В современной России вообще нет элиты в строгом смысле этого слова, и поэтому нет драйверов развития, позволяющих русскому обществу адаптироваться к меняющимся условиям существования.

Посткоммунистическая империя, как инерционная игрушечная машинка, — едет, пока не кончился завод или пока кто-нибудь не остановит. То есть пока дорога относительно свободна, все выглядит очень серьезно и даже устрашающе (разгоняется, рычит и брызжет искрами). Но, как только уткнулась в препятствие, — встала и, пожужжав, затихла. Тут самое время вспомнить другого Владимира с его крылатой фразой о гнилой стене, в которую стоит только ткнуть, и она развалится.

Проблема не в том, что современный режим силен. Здесь, как в столкновении конкистадоров с индейцами, одного небольшого, но хорошо организованного отряда достаточно, чтобы прекратить жизнь какого-нибудь «вечного царства» Инков. Пугачевское восстание закончилось, когда из Польши были отозваны несколько частей регулярной армии и Суворов. Проблема в том, что нет пока никакого хорошо организованного отряда — вокруг в основном такие же крестьяне, только с другими лозунгами. Режим будет существовать до тех пор, пока не проснется самосознание предпринимательского класса, и он не сделает свой не столько даже политический, сколько культурный выбор в пользу новой парадигмы. России нужен свой Кромвель; когда он появится, криминальная империя бывших «советских людей» погибнет в считанные дни.

Люстрация как средство лечения культурного иммунодефицита

Чтобы вырвать Россию из криминального болота и навязать ей новую культурную парадигму, будущий «русский Кромвель» как минимум должен прийти к власти. Но процесс разложения зашел так далеко, что на возвращение к «исторической норме» потребуются годы и даже десятилетия. Помимо «политической

хирургии» в борьбе с криминально-государственным новообразованием придется прибегнуть к «политической химиотерапии» — комплексу мер, направленных на подавление криминальных точек роста.

Криминальный порядок прочно укоренен в социальном и культурном строе современной России. Он не навязан ей врагами и не упал с Луны. Политический крах режима не приведет автоматически к иссечению опутавшей страну криминальной паутины. Новой власти придется поэтому не только и не столько заниматься конструированием «будущего» (чего все ожидают), сколько осуществлять подавление ожесточенного сопротивления «прошлого»: два десятилетия жизни в условиях криминальной анархии пробудили у русского народа привычки, от которых ему очень нелегко будет отказаться. Эта та суровая реальность, от которой сегодня все пророки русской свободы предпочитают стыдливо отводить глаза.

Не только последовательно проводить в полном объеме демократические преобразования, но просто придерживаться тенденции демократизации в этих условиях будет очень непросто. Криминал будет первым, кто воспользуется любыми демократическими реформами в своих интересах. Политика люстрации, нацеленная на адресное поражение в правах лиц, связанных со старым режимом и с криминальным сообществом, при таких обстоятельствах представляется меньшим злом, как с политической, так и с гуманистической точек зрения.

Люстрация — неоднозначное средство, имеющее множество побочных эффектов, опасения перед которым заставили отказаться от нее в начале 90-х годов прошлого века. Последствия этого отказа сегодня видятся скорее негативными, чем позитивными. Но

для той будущей России, где развернется глобальная «война матриц», выбор будет крайне невелик: или люстрация с шансом сохранить демократическую природу власти и пройти между Сциллой реставрации и Харибдой перерождения революции, или террор с неизбежным свертыванием демократии и заходом в окончательный исторический тупик.

Люстрация — это способ избежать террора, ограничившись точечными поражениями в правах. Она позволит подавить активность злокачественной культурной матрицы на время, необходимое для развертывания новой матрицы и восполнения культурного иммунодефицита, а значит, даст возможность осуществить декриминализацию российского общества в щадящем режиме и с меньшими эксцессами. Как и приватизация, люстрация хороша или плоха не сама по себе, а в зависимости от качества исполнения. Поэтому вместо того, чтобы спорить о пользе и вреде люстрации, лучше начать спорить о принципах и механизмах ее реализации.

Сквозь тернии к звездам...

Криминал — главный враг русского народа сегодня и главная угроза существованию русской культуры. Это враг более изощренный и опасный, чем коррумпированная власть, но менее очевидный. Криминал — реальный хозяин современной России и основной спонсор авторитарного режима. Россия прошла стадию, когда чиновники покрывали воров, теперь воры помышляют чиновниками. Огромный поток новых эмпирических данных, снежным комом нависающий над отечественной аналитикой, которая бежит от них как черт от ладана, чтобы только не делать никаких обобщающих выводов, наглядно и однозначно показывает, что центры принятия экономических и политических решений смещаются из публичной сферы в ту глубокую тень, где обсуждения проходят не на «сессиях», а на «сходках».

Бороться за политическую и экономическую свободу и не бороться с засильем криминала — значит пытаться отрубить щупальца спрута, не трогая самого спрута.

У России есть шанс выйти достойно и из этого неимоверно тяжелого положения. Но для этого ей нужно осуществить не просто политическую, а социальную и культурную революцию. Россию ждут не годы, а десятилетия суровой борьбы. Сценарий «свобода нас встретит радостно у входа», очевидно, является нерабочим. Наивно полагать, что достаточно обрушить режим, чтобы все сразу встало на свои места. Россия — как тяжелораненый: даже придя в себя, еще долго будет на инвалидности. Бывают ситуации, когда болеть проще, чем лечиться. Выздоровление будет долгим и потребует напряжения всех духовных и физических сил формирующейся нации. Но дорогу осилит идущий — а того, кто стоит, закапывают на обочине истории.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Владимир
Пастухов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)